

ПОСРЕДНИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И ЕГО ОПИСАНИЕ: КЛЮЧЕВОЙ ВОПРОС

Б.Д. Эльконин

Публикации и доклады о свершениях в обучении, тьюторстве, психотерапии строятся на ином языке, нежели язык самого *совершения* актов обучения, терапии, тьюторства. «Эдипов комплекс», «анальная фаза», «проекция», «сублимация» и пр. в психоанализе; «учебная задача», «внутренний план действия», «ориентировочная основа» и пр. в Развивающем обучении Давыдова-Эльконина; «запрос», «программа», «траектория» в тьюторстве – не те слова, которые используются в самом живом терапевтическом, обучающем и тьюторском актах. Это не те слова, в которых учителя, психотерапевты и тьюторы обращаются к своим «клиентам». В их живых, еще не оформленных в текст-описание обращениях обретаются другие словоформы.

Сказанное не означает, что перечисленные термины неверны, незначимы и неуместны. Эти термины – результат *анализа* уже случившейся акции или, в хорошем случае, *способ настроя* посредника на предельный смысл (намерение) ее свершения. Однако же плох и неквалифицирован тот посредник, который со своим «испытуемым» (нормальное посредничество есть именно испытание обращения) говорит в терминах своих замыслов и намерений.

Что же есть «публикация» Посреднического Действия (ПД), *продуцирование* сказания о его *сути*? ПД, «перемещенное» в высказывание о нем (в докладе, статье, книге), его передача в виде «произведения» предполагает вовлечение некоего слушателя или читателя. Однако вовлечение именно как слушателя и читателя, но не как со-действующего в самом посредничестве. В вовлекающем произведении *преобразуется* объект рассказа, преобразуется исходный «икс-текст» самого ПД, текст самого опосредствующего обращения. Этот текст скрывается, остается темным и даже зашумленным.

Полагаю, что сокрытие в рассказе о действии самой ориентировки совершения действия – это не ошибка Автора публикации, а ее «судьба» – *необходимый* момент¹⁹. Даже очень вдумчивое прочтение анализа Л.С. Выготским Бунинского «Легкого дыхания» и произведений М.М. Бахтина лишь только станет нацеленным на само сочинительство, будет не способствовать, а скорее препятствовать порождению новелл и романов. То же, но с еще большей убедительностью, можно сказать о добротных искусствоведческих описаниях живописных произведений. *Анализ готовой*

---

¹⁹ Похоже, именно здесь *суть* того разрыва теории и практики, о котором зудят и нудят педагоги и иные «практики».

формы не опосредствует ее Порождение. Он и не претендует на это, имеет иное задание – задание выявить феномены (в слабом случае – признаки) «живости» формы.

Итак, возможен ли, и если да, то **что же есть тот сказ о Действии, который способствует Порождению** (а не замене) **именно этого Действия?**

НО! Ведь именно на этот вопрос и должна отвечать (а в ряде прецедентов отвечает) *форма самого акта опосредствования* или, словами Л.С.Выготского, – форма «преодоления натурального в культурном», – форма инициации их («натурального» и «культурного») «Встречи». Однако же, в связи с вышесказанным, какое «культурное», какая культурная форма имеется в виду?

Вроде бы, в промежутке между построением опосредствования и текстом о его «смыслоустройстве» (публикацией) лежат *методические тексты*. Но их существующая форма и норма таковы, что в них пропадает и вдумчивость аналитики, и живость действия.

Здесь и надо отметить, что упомянутые методические тексты негласно предполагают именно и лишь *исполнительское* действие педагога. Такова дисциплинарная форма, «практика порядка» образовательной институции. Тем самым эти тексты не предполагают *пробно-экспериментального* действия, т.е. нащупывания и обретения *опор и поля* (границ) обращения к другому человеку. Именно эта тема требует актуализации – тема учительских проб, его опор и поля. Ведь описанная практика образовательной институции необходимо предполагает косность, остановленность поля Антропотехнического действия. А именно *Антропопрактика есть практика работы в живом, меняющемся и флуктуирующем поле.*

Обращение к действию педагога уместно в контексте постоянных обсуждений профессиональных компетентностей педагога. Суждения о компетентностях неизменно производят впечатление абстрактов и психологических мнимостей. Это впечатление связано со скрытым или явным пониманием умений как неких постоянных свойств индивида и, далее, делением индивидов на имеющих и не имеющих эти свойства.

Умение в первую голову предполагает ситуацию актуализации, и именно это, т.е. уместность активности, нивелируется в ходячем представлении о компетентности. Умение – не свойство индивида, а то отношение индивида и ситуации, которое требует от индивида актуализации опыта. Надо понимать, что опыт индивиду не дан и сам не «выходит наружу», а в определенных ситуациях требует усилия актуализации. Уместность этого усилия и есть, на мой взгляд, компетентность. Так, например, даже когда говорится, что человек «умный», т.е. говорится об уме как его свойстве, то надо понимать, что не всегда «из него исходит» «умность», а в тех ситуациях, которые для себя требуют ума. Иначе же «умность» окажется умственным же дефектом, связанным, как правило, с истерической симпто-

матикой (демонстративностью). Итак, первые, предваряющие представление о компетентности понятия, суть: Ситуация, Уместность, Актуализация (опыта).

Для конкретизации сказанного требуется понять устройство того «усилия», о котором шла речь. Собственно усилие требуется лишь на переходах, «поворотах» некоего естественного становления. Неизменность течения жизни усилий не требует. На переходах и возникают ситуации. Во-первых, возникает необходимость построения Опор возможной активности. Во-вторых, – необходимость испытания границ их применимости, т.е. их (опор) Поля (по П.Г. Нежнову, «функционального поля»). Именно построение опор требует актуализации (воссоздания, переделки) опыта. Прояснение отношений Опор и Поля есть построение Образа ситуации Действия (теперь уже – действия) или, словами П.Я. Гальперина, – построение «ориентировочной основы действия». Испытание образа действия в самом действии и есть испытание уместности. Это испытание есть полагание индивидом своего места в данных обстоятельствах, построение способа встречи с ними. Уместность может быть лишь испытана и опробована. Таким образом, в слове «компетентность» предполагается опробование соотношения опор и поля (границ) Действия. Опробование и есть актуализация опор – преобразование того, что было для того, что наступает²⁰.

Несколько слов об устройстве умения или, словами Г. Шпета, о его «внутренней форме». Когда речь идет об испытании и опробовании образа в действии, то предполагается, что испытывающий и нечто делает, и одновременно с этим видит, что он делает. Подобная связность двух «психических процессов» и есть то, что Л.С. Выготский назвал «Высшей Психической Функцией» (ВПФ). Таким образом, умение по своей внутренней структуре предполагает ВПФ. НО! Предполагает лишь в том случае, когда видится и рассматривается именно в переходе – актуальном (настоящем) как промежутке, связывающем бывшее и наступающее; в том промежутке, где только и возможно опосредствование их связности. Тогда, однако, компетентность, умение в их сути надо рассматривать не как факты достижения, а как Акты связывания – как способы.

---

²⁰ К глаголам «испытывать», «опробовать», «строить опоры» и ко всем другим глаголам можно приставить глагол «уметь». Да и к самому этому глаголу тоже («суметь, наконец, что-либо суметь») и объявить опробование, построение и пр. «компетентностями». Подобное языковое кольцо удобно для безответственного говорения, но совершенно непригодно для действия. Мера «компетентности» и «умения» связана с мерой изменения ситуации воссоздания действия и поэтому еще раз: говорить надо именно об этих изменениях. Здесь, в изменениях ситуаций «встроено» умение-неумение, а успехи индивидов лишь показатели разных «зон ближайшего развития». Умение – не про то, что сейчас наблюдается, а про то, что есть ему ближайшее и дальнейшее. Еще точнее: что есть ближайшее и дальнейшее в отношении его же бывшего. Именно в Игру между бывшими и предстоящими ситуациями «встроена» актуальность «умения». Сюда же «встроена» и проба.

Язык действия в живом поле и предстоит (при-)открыть, у-яснить и, тем самым, *выстроить (или преобразовать) культурные формы как самого Посредничества, так и его описания*. Этот язык и будет связующим между обращением к читателю и слушателю и обращением к своему «испытываемому». Будь то испытание сознания, поведения, пейзажа, фабулы или состояния школьного класса.